

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Окончаніе.

ГЛАВА I.

Польское нашествіе. Баторій.

I. Баторій. II. Столкновеніе. III. Польская армія. IV. Московская армія. V. Взятіе Полоцка. VI. Поляки въ Московскомъ царствѣ. VII. Дипломатическое посредничество. VIII. Осада Пскова.

I.

Б а т о р і й.

Съ 1572 г. фиктивно избирательная польская монархія стала таковой въ дѣйствительности, и съѣзды на полѣ Воля сдѣлались мѣстомъ азартной игры. Въ этой игрѣ принимала участіе вся Европа. Но на протяженіи 2-хъ вѣковъ игрокамъ всего одинъ разъ удалось выбрать настоящаго короля. Этотъ король явился незнакомцемъ. Чистой венгерской расы какъ по своему отцу, Стефану Баторію Сомліо, такъ и по своей матери, Катеринѣ Телегда, Баторій происходилъ изъ хорошаго дворянскаго рода. Онъ съ честью служилъ въ императорскихъ войскахъ и еще съ большимъ успѣхомъ подвизался за дипломатическими кулисами Вѣны и Константинополя. Его служба шла такъ удачно, что уже 38 лѣтъ отъ роду, въ 1571 году, онъ сдѣлался воеводой Трансильваніи благодаря расположенію султана и императора. Въ Польшѣ очень мало знали объ этомъ иностранцѣ. Онъ слылъ за хорошаго правителя маленькой страны. Позже утверждали, что онъ учился въ Падуанской академіи, гдѣ послѣдній изъ его преемниковъ на тронѣ Ягеллоновъ въ 1789 г. поставилъ ему памятникъ—посред-

ственное твореніе Карло или Феррари. Вновь избранный король не зналъ по-польски. Онъ либо говорилъ со своими подданными по-латыни, либо молчалъ. Послѣднее стоило еще большаго въ странѣ, гдѣ всѣ говорили черезчуръ много. На выборахъ 1575 года онъ былъ кандидатомъ султана противъ кандидата императора. Какъ извѣстно, Иванъ устранился отъ выборовъ. Что же касается сына Максимилиана, то его избраніе обѣщало союзъ съ Австріей, противъ турокъ. Вести ли войну противъ Турціи въ союзѣ съ Австріей или же противъ Москвы, если не съ поддержкой, то, по крайней мѣрѣ, при нейтралитетѣ Порты—вотъ какова была дилемма. Однако польскіе избиратели, поглощенные своими дѣлами, раздѣлились подъ вліяніемъ другихъ соображеній. Аристократія поддерживала Максимилиана, такъ какъ онъ могъ предложить ей титулы и деньги. Мелкое дворянство стояло за венгерца, такъ какъ мечтало, что эта ничтожная фигура будетъ ея королемъ и рабомъ. Шляхта думала, что ея избранникъ будетъ управлять при помощи, или же она безъ его участія поведетъ борьбу противъ олигархіи магнатовъ.

Оказалось, что этотъ неизвѣстный кандидатъ хотѣлъ быть королемъ всѣхъ, и что онъ умѣлъ добиваться того, чего хотѣлъ. Онъ началъ съ того, что появился въ Варшавѣ раньше своего противника. Это было легко сдѣлать, такъ какъ Максимилианъ не могъ торопиться безъ большаго риска. Его подстерегали турки. Смерть императора, послѣдовавшая въ октябрѣ 1576 года, сдѣлала Баторія единственнымъ кандидатомъ. Ему оставалось разобраться въ томъ положеніи, въ которомъ Генрихъ Валуа даже и не пытался ориентироваться. Бывшій воевода Трансильваніи неожиданно обнаружилъ вѣрный взглядъ и несравненное умѣніе управлять. Согласно портрету, нарисованному въ 1538 году неизвѣстнымъ художникомъ и хранимому въ костелѣ отцовъ миссіонеровъ въ Краковѣ, по внѣшности онъ былъ настоящимъ мадьяромъ: т. е. плотенъ, невысокаго роста, съ выдающимися скулами, длиннымъ носомъ и низкимъ лбомъ. Лицо его массивно, энергично и сурово. Никакой заботы о внѣшности, никакого изящества. Взглядъ неопредѣленный и дикій. Ведя постоянно простой образъ жизни, какъ по необходимости, такъ и благодаря своимъ вкусамъ, новый король ни минуты не думалъ оставить свои привычки и не представлялъ себѣ, что его короновали для того, чтобы онъ пожилъ въ свое удовольствіе. Было отмѣчено, что онъ не носилъ перчатокъ; рассказывали также, что, обуваясь по-польски, онъ прене-

бегалъ чулками, употребленіе которыхъ распространялось въ то время. Его здоровье было неважно. Онъ страдалъ уже давно какой-то таинственной болѣзнью, которая ускорила, видимо, его смерть. На лѣвой ногѣ у него была рана, которая никогда не закрывалась; и такъ какъ эта болѣзнь прогрессировала, то многіе вспоминали, что еще при императорскомъ дворѣ этотъ человѣкъ, на видъ столь здоровый, страдалъ припадками апоплексіи или эпилепсіи. Врачи того времени плохо различали болѣзни. Впрочемъ, прибывъ въ Польшу, новый король не обнаружилъ никакой болѣзненности. Онъ заставилъ работать своихъ секретарей, самъ же цѣлый день проводилъ на конѣ и на догугѣ показавъ себя неустрашимымъ охотникомъ.

Въ моральномъ отношеніи Баторій представлялъ любопытную смѣсь гибкости и твердости, самодержавныхъ замашекъ и либерализма, жестокости и мягкости. Тасе nebulo! крикнулъ онъ, схватившись за саблю, одному депутату сейма, возвысившему голосъ. Тотъ же жестъ повторилъ онъ со словами «Docebo istum regulum» по поводу неприемлемыхъ претензій шведскаго короля. Вопреки обычаю, онъ осудилъ и приказалъ обезглавить одного буйнаго дворянина, принадлежавшаго къ вліятельнѣйшей польской фамиліи. На всѣ просьбы и угрозы: «canis mortuus non mordet», повторялъ онъ непреклонно: plectatur!

Съ возмущившимися казаками онъ поступилъ такъ, какъ сдѣлалъ бы самъ Иванъ Грозный. Онъ приказалъ казнить ихъ десятками, и, какъ передаютъ, трупы ихъ разрубать на части. Однажды, во время аудіенціи, данной одному иностранцу, его разсердила собака; ударомъ сапога, на которомъ была надѣта шпора, онъ швырнулъ ее въ противоположный конецъ комнаты. Но со своимъ, увѣнчаннымъ тюрбаномъ, сюзереномъ онъ умѣлъ соблюдать самое мягкое обращеніе. Выражая сочувствіе протестантизму въ Трансильваніи, онъ былъ яркимъ католикомъ въ Польшѣ. Онъ устроилъ такъ, что избирательному сейму его представилъ аріанецъ Бландрата. Послѣ же избранія въ короли, совѣтниками его стали іезуиты. Въ своемъ королевствѣ онъ хотѣлъ быть господиномъ. При этомъ онъ не дѣлалъ разницы между польскимъ старостой и евреемъ, хотя царствованіе его и относится еще къ XVI вѣку. Онъ думалъ уничтожить барщину и замѣнить наказаніе кнутомъ денежнымъ штрафомъ. На поляхъ сраженія ему случалось жаловаться дворянствомъ простыхъ крестьянъ. Этотъ человѣкъ, строгій къ другимъ и къ себѣ, въ то же время былъ нѣженъ, даже сентимента-

лень и способенъ былъ заболѣть отъ огорченія при потерѣ друга. При дворѣ, который итальянизировался при послѣднихъ Ягеллонахъ, въ странѣ, широко охваченной умственными теченіями вѣка, онъ сначала производилъ впечатлѣніе простаго крестьянина. Но, придя въ соприкосновеніе съ новой средой, онъ тотчасъ же сталъ во главѣ просвѣщеннѣйшихъ государей эпохи, хотя и совершенно отказался отъ утонченностей, чуждыхъ его темпераменту и его характеру. Онъ былъ основателемъ виленской академіи, сторонникомъ и проводникомъ календарной реформы, организаторомъ почты и финансовъ, создателемъ новой судебной организаци.

Сверхъ всего этого онъ, дѣйствительно, управлялъ страной. Онъ внесъ порядокъ въ механизмъ, который начиналъ портиться. Такимъ образомъ, чуждый странѣ по расѣ, языку и нравамъ, Баторій превосходно представлялъ Польшу въ ея живыхъ силахъ,—Польшу XVI вѣка, которая была и остается—я надѣюсь никого не оскорбить этимъ утвержденіемъ—высшимъ историческимъ выраженіемъ славянской расы, какое только было извѣстно міру до сего времени. Это была страна, подорванная уже анархіей, но еще не истощенная матеріально, какъ она доказала это скоро великимъ и грознымъ подъемомъ. Морально она была еще способна къ благороднымъ завоеваніямъ челоувческаго духа. Это была страна замѣчательныхъ солдатъ, вдохновенныхъ поэтовъ, увлекательныхъ политическихъ писателей и ораторовъ, поднимавшихся до вершинъ свѣтскаго и духовнаго краснорѣчія. Страна, гдѣ Фрицъ Моджевскій, провозглашая въ программѣ соціальной реформы всеобщее равенство правъ, опередилъ всѣхъ публицистовъ эпохи, гдѣ Кохановскій соперничалъ по увлекательности и изяществу съ Ронсаромъ, а Скарга предвосхищалъ Боссюэта. Иностранецъ по происхожденію и грубый съ виду, Баторій былъ истиннымъ представителемъ этой страны благодаря своему генію. Именно, какъ представитель дѣйствительныхъ интересовъ Польши, онъ подготовилъ борьбу съ Москвой прежде всего изъ-за Ливоніи, а затѣмъ ради самого существованія государства. И, въ самомъ дѣлѣ, онъ сумѣлъ понять, что Польша, какою онъ ее видѣлъ, эта цивилизованная, гражданственная, либеральная, и въ то же время буйная страна, проникнутая католицизмомъ, должна поглотить свою великую сосѣдку и навязать ей свою культуру и свой политическій строй, если не вѣру; въ противномъ случаѣ ей самой предстояло быть поглощенной и подчиниться чужимъ порядкамъ.

Одновременное существованіе двухъ великихъ славянскихъ государствъ, двигающихся по различнымъ орбитамъ и независимо другъ отъ друга, если и не въ противорѣчіи, развивающихъ свои силы, пожалуй, и не было невозможностью. Но для этого надо было, чтобы Польша Пястовъ и Ягеллоновъ развивалась въ согласіи со своимъ происхожденіемъ, т.-е. чтобы, оставаясь въ сторонѣ отъ Запада, она притягивала къ себѣ западныхъ и южныхъ славянъ. Однако, вытѣсненная отсюда германскимъ *Drang nach Osten*, она направила свою дѣятельность на Востокъ. Она основала большое государство полупольское, полурусское, полукатолическое, полуправославное. Она соединила въ себѣ элементы монархіи и республики, цивилизацію и варварство.

Въ этой сферѣ была одна орбита и два центра притяженія, было два государя Всея Руси для одной державы.

Баторій, сѣвши на польскій тронъ, долженъ былъ подавить возстаніе Данцига. Онъ обладалъ извѣстной опытностью въ осадныхъ войнахъ; однако, въ этой кампаніи онъ не обнаружилъ блеска. Польки еще не были въ его рукахъ. Впрочемъ, оспариваютъ его права на почетное мѣсто среди великихъ полководцевъ времени. Конечно, ошибочно ему приписываютъ изобрѣтеніе каленыхъ ядеръ, примѣненіе которыхъ у Данцига давало, помимо всего, ничтожные и въ лучшемъ случаѣ посредственные результаты. По Мейнерту (*Geschichte des Kriegwesens*, I, 370) употребленіе этихъ снарядовъ восходитъ, по меньшей мѣрѣ, къ первымъ годамъ XV вѣка. Можетъ быть, какъ то утверждаетъ одинъ изъ біографовъ короля, Альбертранди, польская армія обязана Баторію усовершенствованными образцами пушекъ и полезными измѣненіями въ обмундировкѣ и вооруженіи кавалеріи. Но безспорно, что въ теченіе его царствованія была создана военная организація казаковъ. Въ 1576 году онъ создалъ королевскую гвардію, а въ 1578 сформировалъ пѣхоту, при помощи рекрутскаго набора въ королевскихъ владѣніяхъ. Эти дѣянія являются болѣе вѣрнымъ основаніемъ его военной славы. Присоединивъ къ созданному имъ войску значительное количество иностранныхъ полковъ, венгерскую пѣхоту и нѣмецкую кавалерію, Баторій произвелъ въ своемъ новомъ отечествѣ революцію, которая уже ранѣе измѣнила на Западѣ основы военного могущества и даже военного искусства. Онъ далъ Польшѣ постоянную армію, вооруженную и обученную по-европейски. Наконецъ, три войны, приведшія его въ сердце Московскаго царства, при-

знаны специалистами за столь же удачно задуманные, какъ и выполненныя. Конечно эти кампаніи имѣють нѣсколько слабыхъ мѣстъ. Однако, если и пытались ограничить во всемъ этомъ роль его личной инициативы, то это было неудачной затѣей. Баторій, можетъ быть, не обнаружилъ высшихъ талантовъ, но, съ другой стороны, весьма вѣроятно, ему не позволяла развернуть ихъ тактика, принятая Иваномъ. Истинная же его заслуга заключалась въ томъ, что онъ, дѣйствительно, былъ главою дѣла, съ даромъ, инстинктомъ, съ геніемъ руководителя. Наконецъ, приемы, примѣненные имъ, чтобы обезпечить всѣ возможные выгоды въ борьбѣ съ московскимъ государемъ, которую онъ считалъ неизбежной, можно разсматривать, какъ высшее обнаруженіе искусства.
